

Юбилей театральной газеты «Дом актера»

РЯДОМ С АКТЕРОМ

Сегодня в Центральном доме актера пройдет вечер, посвященный десятилетию газеты «Дом актера». Это издание (в ряду множества других) возникло в 1990 году на гребне горбачевской свободы. Иллюзий, издание (едва ли не единственное из того же ряда) выжило, оставаясь одним из авторитетных и самых профессиональных изданий о театре. Мы беседуем с главным редактором газеты «ДА», театральным критиком и частым автором «НГ» Ольгой Галаховой.

Павел Руднев

О ЛЬГА ИГОРЕВНА, как вам удалось набраться храбрости и начать выпускать свое театральное издание?

— Когда мы стартовали в театральной критике в начале 80-х, чрезвычайную роль играл журнал «Театральная жизнь», возглавляемый Николаем Мирошниченко, который словно специально к нашему приходу в критику поддерживал идею сотрудника «ТЖ» Оксаны Корневой собрать «молодежную редакцию». Нам, еще ничем не отличавшимся в профессии, дали возможность делать журнал, не только писать тексты, но и выпускать свои альтернативные номера, формулировать позицию издания. Нас «заставили» быть самостоятельными. И эта самостоятельность в одночасье стала для всех нас опасным азартным увлечением.

— И тут, на радость вашей азартной самостоятельности, был принят Закон о печати...

— Совершенно верно. Впервые любой человек мог законно делать свое издание. Вместе с нашим изданием возникли и другие — журнал «Московский наблюдатель», любимая мной тогда газета «Театральный гудок», масса иных газет о театре. Но если журнал «Московский наблюдатель» всегда поддерживался Союзом театральных деятелей, являясь, по сути, рупором новых идей СТД правления Михаила Ульянова, мы начали делать совершенно самостоятельное издание на энергии отрицания и сопротивления. Незадолго до этого я и мой коллега Геннадий Демин стали замечать, что в «Театральной жизни» мы потихоньку становимся сильно редактируемыми авторами. Та же неблагоприятная участь ждала и тексты, которые мы приносили. Правдивое содержание статьи выправлялось в полуправдивое.

На дворе уже была эпоха Горбачева, и вопрос был не в несвободе печати, а в мужестве главного редактора (к тому времени Мирошниченко уже ушел). Возникла новая театральная номенклатура, представителей которой трогать было нежелательно. И надо сказать, что то же театральное политбюро, как и тот самый несмелый главный редактор «ТЖ», остались до сих пор «при своих». В недрах журнала в отрицание того способа сотрудничества редактора и автора, который сложился в «ТЖ», возникло продолжение — газета «ДА».

Мы начинали как поколение «молодых рассерженных». Помню, как Борис Львов-Анохин в журнале «Театр» подверг нас критике, написав, что газета, которая называет себя «ДА», все время говорит «НЕТ». Устав ото лжи, полуправды, «ваты» в иных критических суждениях, мы взяли очень злобную интонацию, которая не требует недоговоренности. Квинт-эссенция злобы — рожденный нами жанр «микрорецензии», где в одном-двух предложениях-афоризмах выражается сущность спектакля. Жанр до сих пор вызывает жаркую полемику — одни считают, что это достижение профессии, другие — что это форма неуважения к стараниям художника, третьи считают, что именно здесь и оттачиваются перья до остроты скальпеля. Мы, злобные критики, готовы были признать, что есть такие произведения искусства, которые требуют только одного предложения или же просто набора знаков препинания.

— Кто помогал газете?

— «Неблагодарность хуже либерализма», как говаривал Пушкин. Театральный критик Ирина Мягкова, которая до сих пор возглавляет московское бюро критиков при СТД, горячо поддержала идею независимой газеты на заседании бюро, где мы изложили свою концепцию. Идея названия принадлежит Геннадию Демину. Нас поддерживали, но высказывались мнения, что театральной печати слишком много и что театр нужно оставить в покое. В сегодняшней ситуации беднейшего рынка театральной печати это, согласитесь, забавная подробность.

Мягкова связала нас с Маргаритой Эскиной, директором Центрального Дома актера. Мы пришли к ней в тот самый момент, когда сгорел Дом актера на Тверской. Помню, как мы проходили в несгоревшую половину через общепитный вход у Елисеевского магазина, где пахло гнилым мясом, овощами, помоями. Маргарита Александровна приняла на ура нашу идею; она посчитала, что самое время выпускать газету, когда дом сгорел. — Ее всегда отличала дивная жизнестойкость. С этих пор Эскина никогда не вмешивалась в дела газеты и не читает по-

Ольга Галахова: любовь к театру воспитывается годами. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

лосы перед выходом номера. У нее есть такт учредителя.

Финансово мы большей частью зависим от Дома актера. На первых порах нам помогали художественный руководитель театра «Вернисаж» Юрий Непомнящий и ныне один из самых известных театральных продюсеров Олег Березкин. Теперь нам помогает фирма «Буммаркет» и мой друг Андрей Васильев. Дорогим человеком, который помогал редакции и до сих пор с нами сотрудничает, был Джон Фридман, театральный критик, славист-американец, живущий в России. Один из первых номеров вышел на его частные средства. Его \$50 мы оплатили типографские расходы и даже выплатили из них гонорары и зарплату.

— Как упал доллар!

— Хватанувшие воздуха свободы, мы оказались не готовыми к другой стороне свободы. Пришлось осваивать еще и профессии коробейника, полиграфиста и распространителя. Писать критические статьи тяжело, но еще тяжелее их продавать. Мы научились контролировать и удерживать наш пусть маленький, но надежный рынок.

Постепенно из критической газеты мы превращались в актерскую, тем самым сближаясь с направлениями работы США, — газету ради актеров, об актерах, рядом с актерами. Жизнь, требующая компромиссов, научила нас смотреть на театр не только из кресла партера, но, с одной стороны, из кулис, из гримерки и, с другой, взглядом рядового читателя, театрала. И для нас было очень важно, что Олег Табаков дал газете свое имя. Затем его пост председателя Общественного совета принял Владимир Андреев. Сейчас это место, к нашему сожалению, пустует.

Выпустить первый номер легко — в смелом начинании тебя всегда поддержат, но потом у некоторых людей, которых наша газета чем-то задевала, случались желания ее закрыть. Однажды два человека спасли газету. Ими были тот же Владимир Андреев и критик Вера Максимова. Мы помним их заботу.

— Каковыми были лучшие материалы в газете?

— Трудно сказать, здесь нужен сторонний взгляд. Но есть авторы, которые если пишут для газеты, я счастлива. Это Алексей Бартошевич, Борис Любимов, Вера Максимова, Инна Вишневская, Татьяна Шах-Азизова. Мы регулярно даем возможность реализоваться и молодым, дебютирующим авторам.

— Могли бы вы вспомнить самую смешную опечатку в газете «ДА»?

— Накануне съезда Союза театральных деятелей России мы издали специальный номер, представлявший всех кандидатов, претендовавших на пост председателя СТД. Номер делали молодые сотрудники, для которых реалии советского времени не были столь очевидны. В результате все кандидаты оказались не просто членами партии, а сразу уж членами ЦК КПСС. Помню, какое смятение в рядах театральных деятелей вызвали наши досадные опечатки. Нас заподозрили либо в чудовищной лести, либо в чудовищном очернении кандидатов.

— Вы рассказали о жанре микрорецензий, который был изобретен в редакции. Есть и еще одна доморощенная рубрика — «Золотые отвалы», в которой вы публикуете смешные и глупые выражения из статей коллег.

— Эта рубрика особо любима актерами — кто-то сказал, что произведения этого жанра хочется читать с эстрады. Чего стоят такие перлы, как «Режиссер входит в жизнь своего героя, располагая его к себе», «Эта проблема далеко выходит за пределы спектакля и романа. Те же вопросы можно адресо-

вать и Христу. Я не готов дать на него исчерпывающий ответ» или «Я в театрах сегодня ощущаю только одно... нехватку человеческого мяса».

— Какие материалы чаще всего читают в газете?

— Мне кажется, рубрику «Гость редакции». Это самая домактеровская рубрика, которая, когда была изобретена, дала газете новое дыхание. Мы превращаем классический жанр интервью в интимные посиделки с человеком профессии, которую мы считаем центральной в театре. Мы приглашаем только тех, кого мы любим и кого считаем скромными, интеллигентными артистами, не испорченными славой. У нас побывали Валерий Гаркалин, Марк Захаров, Елена Шанина, Дмитрий Назаров, Александр Ленков, Владимир Стелков, Вера Алентова, Надежда Маркина, Игорь Костолеский, Михаил Филиппов и другие.

Мы устраиваем в его честь скромный прием: печеная картошечка, селедочка, волочка, салаты, овощи. Очень важно остановиться, сесть и поговорить — чтобы актер перестал видеть в нас шакалов-журналистов, которые думают о том, как бы выудить скандал. Я когда-то делала интервью для одного глянцевого журнала, и очень известная актриса сказала мне: вы задаете мне неправильные вопросы, потому что это издание интересуется только то, каким образом она первый раз сняла штаны. Поэтому мы задаем только неправильные вопросы. Актеры, которые у нас побывали, остаются самыми дорогими нашими друзьями и потом безвозмездно помогают нам во многом, становясь друзьями уже не только газеты, но и Центрального дома актера, к невероятной радости Эскиной.

Однажды к нам зашла драматург Надежда Птушкина в тот момент, когда мы встречались с Верой Алентовой. Тут же, у столика, мы их и сдружили — в результате вышел замечательный спектакль — «Пизанская башня», где в пьесе Птушкиной играют Алентова и Владимир Меньшов.

— Благодаря информационным войнам, журналистское слово снова «в цене». Как вам кажется, насколько такое издание, как ваше, способно влиять на театральную ситуацию хотя бы в Москве?

— На фоне того, как все хотят влиять на общество, у нас есть желание не влиять. По статистике, в России хотя бы раз в год ходят в театр 5–8% населения. Из них читают театральную прессу 0,005%. Поэтому, когда делаешь театральную газету, не надо думать, кто тебя прочтет. Но если я знаю, что нашу газету читают Кама Гинкас, Петр Фоменко, Марк Захаров, Маргарита Эскина, то есть ощущение, что ее читает вся Россия. Наша газета — для хороших.

— Что привело вас, человека из провинции с филологическим образованием, к театру?

— Прежде всего я обязана маме и отчиму, тоже филологам. Они часто выезжали в Москву и Ленинград и всегда были в курсе столичных культурных новостей. Поэтому я уже в пять лет знала, что такое Театр на Таганке. Любимов, Эфрос и Товстоногов были для провинциальной девчонки мифическими фигурами, легендами. Но было и живое чувство театра. Это известный на всю страну пермский балет. Самое настоящее счастье в театре я испытала от мастерства Галины Rogozinoй, которая выступала в роли Одетты-Одиллии. Пермский театр оперы и балета тогда возглавлял ленинградский хореограф Николай Боярчиков, почти сосланный в Пермь. В 70-е годы мы видели балеты Бель Бартока и Сергея Прокофьева. Это был кусочек золотого века российской хореографии. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Галахова Ольга Игоревна — театральная критик, главный редактор газеты «ДА». Родилась в Перми. Окончила три курса Пермского университета (филологический факультет). В 1981 году переезжает в Москву, поступает на второй курс ГИТИСа, театроведческий факультет (мастерская Павла Маркова и Бориса Любимова). Кандидат ис-

кусствоведения (1987; диссертация «Театроведение как наука в 1920-е годы. Формальная «ленинградская» школа театроведения и ГАХН»). 1987–1991 — редактор-корреспондент журнала «Театральная жизнь». Пресс-секретарь фестиваля уличных театров «Караван мира» (Москва–Ленинград–Европа, 1989). С 1991 — педагог Школы-студии МХАТ. Замужем за писателем Анатолием Королевым.